

Размышления над книгой

З. К. СОКОЛОВСКАЯ

ОБ УЧЕНЫХ, «ПРОШЕДШИХ “КРЕСТНЫЙ ПУТЬ” РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СКВОЗЬ ТЕРНИИ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ»

Этими словами начинается посвященная академику Е. В. Тарле статья «Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония» (авторы: В. А. Дунаевский, Е. И. Чапкевич) в мемориальном сборнике «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР» [1, с. 108], подготовленном Архивом Российской академии наук в 1990 г. (но по ряду причин увидевшем свет лишь в 1995 г. *) и содержащем многие недоступные ранее для исследователей интереснейшие биографические материалы, раскрывающие страницы социальной истории нашей многострадальной страны. С этим замечательным сборником (о нем подробнее будет сказано ниже) мне довелось ознакомиться сразу после его выхода. Еще тогда, читая статью С. П. Лялина и Ф. Ф. Перченка «Репрессированные почвоведы. Записки Б. Б. Плынова о 1937 г.» [1, с. 76–90], я обратила внимание на то, что академик Плынов весьма нелестно отзывался о парторге Почвенного института И. П. Герасимове как о «мягком, боязливом и не очень одаренном человеке», который «от ответственных дел старался уклониться» [1, с. 78].

Отнести такую характеристику к работавшему в середине 1930-х гг. в Почвенном институте Иннокентию Петровичу Герасимову, — впоследствии ставшему академиком, выдающимся ученым-географом с мировым именем, человеку удивительному, энергичному и доброжелательному, — я не могла.

Необходимо было прояснить возникшие (и, очевидно, не у меня одной) сомнения, которые, безусловно, не появились бы, будь в структуре этого очень интересного и нужного сборника развернутый научно-справочный аппарат (совершенно необходимый в изданиях подобного рода) и наиболее важная его часть — аннотированный указатель имен. К сожалению, его в книге не было, а с момента событий, описываемых Б. Б. Плыновым, прошло много лет.

Закрывать этот вопрос оказалось довольно просто. В том же 1995 г. в серии РАН «Научно-биографическая литература» (далее НБЛ) была издана обстоятельная научная биография Иннокентия Петровича Герасимова [2]. В приведенном в ней приложении «Основные даты жизни и деятельности» сказано, что в 1937 г. Иннокентий Петрович работал в Почвенном институте (с 1936 г. по 1956 г. — заведующим отделом географии и картографии почв), но парторгом он не мог быть, так как тогда в партии не состоял, и только в 1945 г. его «приняли в ряды КПСС» [2, с. 234].

Еще одно издание 1995 г. позволило полностью «реабилитировать» доброе имя Иннокентия Петровича Герасимова. В том же году, немного ранее выхода в свет сборника «Трагические судьбы», был опубликован замечательный сборник «In memoriam», в котором помещена публикация тех же авторов — С. П. Лялина

* Все перипетии с выпуском этого сборника освещены в предисловии, написанном редактором-составителем И. Г. Арефьевой [1, с. 3–6].

и Ф. Ф. Перченка «Записки Б. Б. Польшова о 1937 г.». Здесь в подстрочных примечаниях к тексту приведены краткие биографические справки об упоминаемых в нем лицах, в том числе и о И. П. Герасимове: «Герасимов Иван Павлович (1896-?). Почвовед, канд. с/х наук... В 1937 г. назначен* парторгом Института» [3, с. 253–271].

Казалось бы, две названные публикации о И. П. Герасимове полностью сняли описанное выше недоразумение. Тем не менее, несмотря на то что с момента выхода в свет сборника «Трагические судьбы» прошло пять лет, претензии к его составителям по поводу И. П. Герасимова продолжают высказываться.

Некоторое время назад в Архив РАН (членом Ученого совета которого я являюсь) из Института географии РАН поступило подготовленное учениками и соратниками Иннокентия Петровича Герасимова настойчивое предложение обнародовать разъясняющие ситуацию комментарии.

Хочется надеяться, что приведенные мною материалы будут соответствовать их пожеланиям и окончательно закроют этот вопрос.

Названные сборники [1; 3] и другие, изданные с 1990 г., а также книги и статьи, посвященные репрессированному ученому (о них мы скажем ниже), привлекли мое пристальное внимание в связи с подготовкой в середине 1990-х гг. очередного (четвертого) справочника-путеводителя по серии РАН «Научно-биографическая литература», включающего сведения о 550 изданных научных биографиях [4].

В структуру справочника мы решили ввести еще одно новое приложение — указатель книг серии НБЛ, посвященных деятелям, репрессированным в годы тоталитарного режима. Удалось выявить около четырех десятков книг об отечественных деятелях, пострадавших в 1920–1960-е гг., подвергшихся высылке из страны, арестам, переживших ужасы лагерей или погибших там. Еще несколько книг посвящены ученым, избежавшим репрессий в буквальном смысле этого слова (арестов, ссылок), но ставшим жертвами идеологических кампаний — лишенным своих научных постов, потерявшим работу, что, хотя и косвенно, приводило зачастую к трагическому концу. Так, 22 апреля 1951 г. в Геленджике покончил с собой известный ученый, более 16 лет возглавлявший кафедру физиологии растений МГУ Дмитрий Анатольевич Сабинин [5].

При выявлении среди героев книг серии НБЛ тех, кто подвергался репрессиям, мы столкнулись с целым рядом трудностей. Ведь научно-биографическая литература как жанр социальной истории науки не свободна от влияния политической конъюнктуры, отражающей особенности того периода, когда писалась биография конкретного деятеля.

Изъятия из текстов рукописей научных биографий (как, впрочем, и из книг других жанров) проводились цензурой на различных уровнях — государственном и партийном, на стадии издательской подготовки, на местах (оформление «актов экспертизы» в учреждениях, где утверждалась рукопись к печати).

В энциклопедии «Книга» помещена обстоятельная статья исследователя истории отечественной цензуры А. В. Блюма, в которой не только дано определение понятия цензуры как «системы контроля официальных властей (светских или духовных) за содержанием, выпуском в свет и распространением письменных и печатных текстов...», практически возникшей «одновременно с появлением рукописных текстов, предназначенных для более или менее массового распространения» [6, с. 696], но приведена история цензуры за рубежом и у нас в стране — в доре-

* Официально секретарь партийной организации не «назначался», а выбирался из числа членов вновь избранного партийного бюро. Естественно, возможные кандидатуры на этот пост предварительно согласовывались с райкомом партии.

волюционный период, в период между Февральской и Октябрьской революциями (полная отмена цензуры, кроме военной) и после Октябрьской революции.

Подписанный В. И. Лениным 10 ноября (по новому стилю) 1917 г. «Декрет о печати», объявляющий вне закона «контрреволюционную печать разных оттенков» [6, с. 698], дал старт ужесточению цензурного надзора. В январе 1918 г. был утвержден «Революционный трибунал печати»; в конце 1919 г. создан Политотдел при Госиздате РСФСР; к июню 1922 г. Совнарком издал «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлит)», созданном для объединения всех видов цензуры печатной продукции. Этим «Положением» завершились «поиски универсального механизма контроля за всей без исключения печатной продукцией» [6, с. 698]. В последующие три с лишним десятилетия система тоталитарной цензуры постепенно ужесточалась. Сформировался «восходящий снизу вверх иерархический ряд: 1) так называемая авторская самоцензура; 2) редакторский контроль (в издательствах и органах печати); 3) предварительный контроль органов Главлита; 4) последующий контроль — на уровне версток и порой даже уже вышедших в свет изданий; 5) последующий контроль органов ГПУ, ОГПУ, НКВД, КГБ — на уровне опубликованных произведений; 6) контроль идеологических органов ЦК и обкомов партии...» [6, с. 698].

Только в 1954–1964 гг., в период «хрущевской оттепели», цензурный надзор несколько смягчился, оставаясь (до объявления в 1985 г. «перестройки и гласности») по существу тем же. После 1985 г. некоторые органы прессы «явочным порядком» стали игнорировать «инстанции цензурного надзора» [6, с. 699]. Начали появляться отдельные работы о сталинских репрессиях, например, в 1988 г. вышла книга Я. Л. Рапопорта о «деле врачей 1953 г.» [7].

В 1990 г. был принят «Закон о печати и других средствах массовой информации СССР», который отменил предварительную цензуру и расформировал органы Главлита. Незаконное принуждение к распространению или отказ от распространения информации законом запрещались, а рассмотрение спорных дел, касающихся печати, предусматривалось исключительно в судебном порядке.

27 декабря 1991 г. вступил в силу закон о печати Российской Федерации — «О средствах массовой информации». В первой главе этого закона имеются статьи: третья — «Недопустимость цензуры» и четвертая — «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» [8, с. 555–565].

Таким образом, в последнем десятилетии XX в. государственная цензура «в лице Главлита» официально была отменена, но, увы, возродилась вновь «в лицах тех, кому принадлежат наши СМИ» [9, с. 186]. Хорошо, что на издание научно-биографической литературы они не оказывают существенного влияния и в серии НБЛ книги о репрессированных ученых стали выходить без белых пятен.

На протяжении сорока лет существования серии НБЛ по характеру изложения материалов о репрессировании героев книг можно судить о состоянии цензуры в печати на момент подготовки и издания той или иной научной биографии. Так, в годы «хрущевской оттепели» в нашей серии вышли книги о «невозвращенце» К. Н. Давыдове (1963)*, репрессированных И. И. Иванове и Б. Л. Розинге (1964) и уже под занавес «потепления» о Б. Е. Райкове (1970), в которых открыто (правда, очень кратко) сказано об арестах и высылке. С конца 1960-х гг. сведения о репрессиях стали приводиться все более завуалированно, а затем (почти до конца 1980-х гг.) вообще не говорилось ни слова, несмотря на наличие в большинстве книг приложений «Основные даты жизни и деятельности» героев книг.

* Исчерпывающие сведения о названных в данной статье книгах серии НБЛ.

В книгах об А. А. Гринберге (1974), Н. К. Кольцове (1975), Б. Б. Полюнове (1977), А. К. Болдыреве (1978), Т. П. Кравце и Н. М. Федоровском (1979), А. Г. Дояренко, А. А. Саукове и Г. А. Тихове (1980), А. А. Любичеве (1982), Б. Л. Личкове (1983), Б. В. Нумерове (1984), А. Н. Теренине (1985), В. И. Палладине (1986), Н. И. Вавилове, А. Л. Чижевском и Л. С. Штерн (1987) читатель не найдет описаний трагических событий, связанных с репрессиями.

Иногда на то, что герой книги подвергался репрессиям, указывали имеющиеся в тексте биографии косвенные сведения, правда, не всегда дающие однозначный ответ. Так, например, в научной биографии одного из основоположников отечественной техники высоких напряжений А. А. Смурова (1974) ни в тексте, ни в приложении «Основные даты жизни» нет конкретных данных о том, подвергался ли он репрессиям. Имеющаяся в тексте фраза: «... в последние годы Смуров не принимал личного участия в международных научных форумах ...» [10, с. 127], дает некоторые основания предполагать, что определенные осложнения у него были. Почему не принимал? Было это следствием заболевания или он просто стал «невыездным»? К сожалению, автор книги Л. Г. Давыдова, безусловно, знавшая все подробности биографии своего героя, скончалась, и прояснить причины смерти А. А. Смурова в 1937 г. (в 53-летнем возрасте) мне не удалось.

Вопрос, включать книгу о Смурове в справочник-путеводитель по серии НБЛ, в предполагаемый указатель репрессированных героев книг или нет, для меня остается открытым. В этом случае, как и во многих других, требовались дополнительные изыскания. Поэтому от идеи опубликовать такой указатель мне пришлось отказаться. Но работа над его составлением продолжается.

Одной из «переходных», с точки зрения освещения событий, связанных с репрессиями, можно считать книгу о С. А. Векшинском (1988), в которой в приложении «Основные даты...» о репрессировании — ни слова, а в тексте сказано, что арестован Векшинский был в 1938 г. и освобожден в конце 1939 г. [11, с. 64].

С начала 1990-х гг. авторы наконец получили возможность рассказать о репрессиях, которым подвергались герои их книг. Весьма обстоятельно это освещено в книгах о М. П. Бронштейне (1990), Л. С. Лейбензоне (1991), В. Ч. Дорогостайском и С. С. Четверикове (1994), В. К. Фредериксе (1995), Р. Л. Бартини (1997), А. А. Баландине (1998), Н. А. Максимове (1999), а также в находящихся в издательстве «Наука» научных биографиях С. П. Королева и А. И. Некрасова.

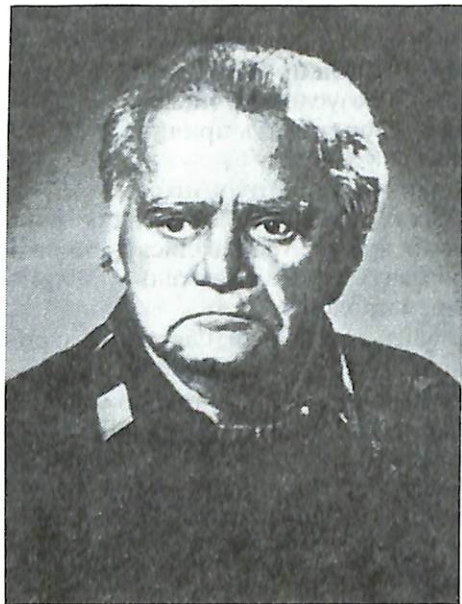
К сожалению, и в это время отдельные книги выходили, видимо, по инерции, где ни слова о репрессиях. Даже сакраментальной фразы о «трудных годах в жизни героя» не найдет читатель в биографии крупного советского гидролога академика АН БССР А. Д. Дубаха (1990), который был арестован дважды — в 1930 г. и в 1937 г. Я узнала об этом из выпущенной в Минске в 1992 г. книги о репрессированных членах Академии наук Белоруссии [12, с. 46–47]. В книге о П. Ф. Папковиче (1991) ни в «Основных датах...», ни в тексте не говорится о том, что в 1918 г. он был арестован и находился в ВЧК на Гороховой. И только письма Папковича к матери, помещенные в приложение, освещают это событие [13, с. 152–154].

Прошли через ужасы сталинских репрессий и некоторые авторы книг серии НБЛ. Так, Л. С. Полак (автор книг о Л. Больцмане — 1987 г. и Р. Гамильтоне — 1993 г.) «восемнадцать лет, пять месяцев и одиннадцать дней... был врагом народа» [14, с. 5].

Арестован и почти на десять лет был выслан из Ленинграда Б. Е. Райков, автор научных биографий Х. Пандера (1964) и Г. Е. Щуровского (1965), ставший сам героем книги нашей серии, написанной Т. А. Лукиной [15]. Не миновала горькая чаша Н. И. Родного (одного из авторов научной биографии В. Оствальда — 1969 г.), Г. К. Цвераву (автора восьми книг серии НБЛ), отбывавшего срок почти

18 лет, М. Г. Ярошевского — автора книги о И. М. Сеченове (1968) и инициатора выпуска двух замечательных книг «Репрессированная наука» [16], в одной из которых опубликовано обстоятельное исследование Ярошевского «Сталинизм и судьбы советской науки» [16, вып. 1, с. 9–33].

Печальный опыт работы этих авторов в неволе не нашел отражения в написанных ими для НБЛ книгах — их герои были иностранцами, либо дореволюционными российскими учеными. Недавно в редколлегию серии НБЛ поступила авторская заявка на подготовку научной биографии профессора Г. Л. Стадникова от доктора технических наук Е. В. Марковой, которая опишет лагерную жизнь ученого не понаслышке, — она так же, как и герой ее будущей книги, отбывала длительный срок в Воркутлаге [17, с. 60–77]. Научную биографию ученого-воркутлаговца К. Г. Войновского-Кригера Е. В. Маркова уже написала в соавторстве с его дочерью.

Л. С. Полак

Авторы, писавшие о репрессированных советских ученых в нашу серию, в большинстве случаев были их коллегами, друзьями, учениками. Они не могли не знать многих подробностей трагических событий. Но винить их в том, что этих страниц в книгах не оказалось, — несправедливо. Мне хорошо известно, как полно все освещалось во многих представляемых в редколлегию рукописях, и, как правило, в таком виде они утверждались к печати. То, что оставлялось в изданных книгах, давало возможность судить о «работе» цензуры. Примеров можно привести множество. Так, в научной биографии Б. Б. Польшова [18] об аресте ученого не сказано ни слова. А Е. И. Парфенова (одна из авторов книги) присутствовала при его аресте 11 мая 1937 г. В тот день она с мужем А. И. Троицким была в гостях у Польшовых. Все подробности ареста и последующих событий описал позднее сам Б. Б. Польшов. Его «Записки» были опубликованы в 1995 г. С. П. Лялиным и Ф. Ф. Перченком. Об этих публи-

кациях мы говорили в начале статьи [1, с. 76–85; 3, с. 253–271].

Авторам научной биографии А. К. Болдырева — И. И. Шафрановскому и В. Ф. Алявдину так же были известны все подробности его ареста в 1938 г. (изъятые из рукописи на стадии издательской подготовки), как и ответственному редактору книги академику Н. В. Белову, из предисловия которого снято все, что относилось к арестам советского времени, но оставлена фраза о репрессиях, которым подвергся А. К. Болдырев до революции: «С любовью написанная история большого ученого, русского интеллигента, прошедшего тернистый жизненный путь с царской тюрьмой и ссылкой, хорошо отражает те чувства, которые сохранились у огромного числа болдыревских учеников и почитателей» [19, с. 6]. Сведения о неоднократных, довольно непродолжительных арестах А. К. Болдырева в 1911, 1921, 1933 и 1937 гг., заканчивавшихся освобождением «без последствий и ограничений», и аресте в 1938 г., с приговором к пяти годам лишения свободы и отправкой этапом

*Григорий Константинович Цветава
(1911–1994). Фото 1973 г.*

ли, подготовленная Л. Г. Лейбсоном [23]. В 1990 г. автор (еще до официальной отмены цензуры) издал книгу, в которую включил все изъятые в процессе издания материалы, и назвал ее «Академик Л. А. Орбели: Неопубликованные главы биографии» [24].

В последние годы авторы книг серии НБЛ не только стали говорить о репрессиях, которым подвергались их герои, но и раскрывать те черты характера ученых (формально не подвергавшихся репрессиям), описание которых почти до конца 1980-х гг. цензура не пропускала. Изданные в серии в разные периоды научные биографии И. П. Павлова, написанные Э. А. Асратяном (1-е изд. 1974 г.; 2-е изд. 1981 г.) и Н. А. Григорьян (1999), свидетельствуют об этом. В книгах Асратяна [25] вообще не сказано о том, что И. П. Павлов в 30-е гг. защищал арестованных ученых и выступал против репрессий. В книге же Н. А. Григорьян говорится об этом и приводятся не публиковавшиеся ранее письма Павлова в Совнарком [26, с. 152–153].

Как мы уже говорили, некоторые авторы нашей серии опубликовали дополнения к изданным ими ранее книгам. Другие, к сожалению,

на Колыму, приведены в прекрасном мемориальном сборнике «Репрессированные геологи» [20, с. 26].

И еще один пример. В книге Я. А. Росина и В. Б. Малкина (серия НБЛ) о Л. С. Штерн (1878–1968) в разделе «Основные даты жизни» о ее аресте и высылке — ни слова, и только из текста можно узнать, что «с 1949 г. по 1953 г. Л. С. Штерн жила в городе Джамбуле» [21, с. 100]. Авторам, безусловно, было известно, что арестовали ее в 1949 г. и что в Джамбуле она жила с 1952 г. Подробности ареста Л. С. Штерн вместе с остальными 14 членами Еврейского антифашистского комитета, расстрелянными летом 1952 г., стали известны благодаря публикации стенограммы судебного процесса [22]. В. Б. Малкин воспользовался появившейся возможностью восполнить пробелы научной биографии Л. С. Штерн и подготовил специальную публикацию «Трудные годы Лины Штерн» [1, с. 156–181].

Очень трудно, более десяти лет проходила разные этапы (от авторской заявки до выхода в 1973 г. в свет) научная биография Л. А. Орбел-

*Неемиа Иосифович Родный (1908–1972).
Фото 1971 г.*

*Борис Евгеньевич Райков (1880–1966).
На Московском вокзале в Ленинграде, 1953 г.*

нию, не дожили до новых времен, когда это стало возможно. Поэтому необходимо, чтобы родственники, друзья, ученики и знакомые ученых, о которых изданы книги, а также читатели, располагающие какими-либо неизвестными или малоизвестными сведениями, прямо или косвенно связанными с репрессиями или другими притеснениями ученых в годы тоталитарного режима, обнародовали их и этим способствовали ликвидации белых пятен в биографических произведениях. Для решения этой задачи, мне кажется, целесообразно ввести в структуру ряда периодических изданий и в первую очередь журнала «Вопросы истории естествознания и техники» специальную рубрику — «Дополнения к изданиям предыдущих лет».

Выше приводились примеры публикации подобных материалов в специальных сборниках [1; 16] и в изданиях [24]. Прекрасное предисловие к сборнику «Трагические судьбы», о котором мы уже упоминали, написала редактор-составитель И. Г. Арефьева [1, с. 3–6]. В примечаниях к предисловию приведена изданная к тому времени литература — восемь работ о репрессированных ученых, начиная с наиболее ранней публикации Ф. Ф. Перченка в «Самиздате» в 1976 г. [27]. Об этой публикации будет сказано ниже. Далее четыре работы о репрессированных «по профессиям» — геологах, славяноведах, востоковедах и биогеохимиках [20; 28; 29; 30].

И завершают список три работы (две из них мы уже называли [12; 16]) и третья — объемистый труд об «академическом» следственном деле 1929–1931 г.г. [31].

На большинство названных книг и статей, а также изданных позднее, в 1995–1997 гг., ссылается в одной из глав своей очередной книги американский ученый Л. Грэхем, исследующий российскую науку уже много лет «с уважением, сочувствием и даже с любовью» [9, с. 187]*.

В те годы, когда в СССР создавалась крупнейшая в мире научная структура, производились исследования, за которые присуждались Нобелевские премии, строились стратегические ракеты и ядерное оружие, — пишет Л. Грэхем, — здесь также практиковались беспощадные репрессии среди ученых и инженеров... я упомяну лишь некоторые наиболее выдающиеся фигуры [32, с. 3].

Л. Грэхем назвал имена 45 ученых, ставших до либо после ареста «звездами первой величины», их высокие научные звания, занимаемые должности, привел даты ареста и (у некоторых) даты освобождения или расстрела [32, с. 3–6]. Отдельные приведенные Грэхемом даты (так же, как и даты, связанные с репрессиями, в работах других авторов) требуют уточнений. Так, у него сказано, что А. Л. Чижевский был арестован в 1936 г. [32, с. 6]. По поводу достоверности этой даты у меня возникли сомнения. В статье в Большой Советской Энциклопедии (1978), посвященной А. Л. Чижевскому, сказано только, что он «в 1937–1942 гг. возглавлял две лаборатории при управлении строительством Дворца Советов при СНК СССР, а в 1958–1962 гг. Лабораторию аэроионизации при Госплане СССР» [33, с. 188]. Шестнадцать лет жизни (с 1942 г. по 1958 г.) вообще выпали из повествования. В научной биографии А. Л. Чижевского (серия НБЛ) уже приведены некоторые сведения: в разделе «От автора» В. Н. Ягодинский отметил, что А. Л. Чижевский был основоположником ряда ныне широко известных и признанных во всем мире научных направлений и «даже в чрезвычайно трудных условиях неутомимо работал ради науки» [34, с. 7]. В приложении «Основные даты жизни» сказано уже более определенно: «1942–1958 — Необоснованно арестован (1942). С 1950 г. проживал в Караганде. Работал на Урале и в Казахстане ... Реабилитирован в 1958 г.» [34, с. 299]. В тексте книги содержатся некоторые дополнения [34, с. 49, 181 и др.].

С. Э. Шноль в книге «Герои и злодеи российской науки» дал А. Л. Чижевскому такую характеристику: «Он был очень необычен. И, следовательно, привлекал внимание “компетентных органов”. Там собирали на него “материал”. Делали это еще в 30-е годы. Даже удивительно, что арестовали его лишь в 1942 г.» [35, с. 171].

Таким образом дата ареста Чижевского, приведенная Грэхемом, не подтверждается. К сожалению, сведений о подробностях ареста Чижевского, пребываниях его в тюрьме и в лагерях практически мне найти не удалось. Только одна строчка, написанная им самим, говорит о многом. Во вступительной статье «Поэзия науки и наука поэзии» к опубликованному в 1987 г. сборнику стихотворений А. Л. Чижевского В. И. Безъязычный, подготовивший тексты к публикации, упоминает стихотворение «Гиппократ», написанное Чижевским еще в 1912 г.:

... через тридцать лет, — пишет Безъязычный, — оказавшись в нечеловечески трудных условиях наедине с собой и своей памятью, он вспоминает это стихотворение, записывает строки, проникнутые глубоким философским обобщением, рожденным напряженной мыслью, течению которой неподвластны были внешние

* Перевод на русский язык главы «Устойчива ли наука к стрессу?» из книги Л. Грэхема «What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience?» (Stanford, 1998) — см. [32]. Обстоятельную рецензию А. В. Юревича на эту книгу — см. [9].

обстоятельства. В соседстве со стихотворными строками ... появляется беглая заметка: «5.1.43. Холод +5° в камере, ветер дует насквозь. Жутко дрогнем. Кипятку не дают». Этот выразительный комментарий к стихотворным строкам — настоящий человеческий документ [36, с. 14].

Так, постепенно, по крупницам, воссоздаются самые трагические страницы социальной истории нашей страны.

Среди исследователей, разрабатывавших тему репрессирования ученых в годы тоталитарного режима, самое почетное место, по моему мнению, занимает Феликс Федорович Перченко (1931–1993), который в середине 1970-х гг., несмотря на жесткие рамки цензуры и преследования инакомыслящих, опубликовал в «Самиздате» в историческом сборнике «Память» сначала в Москве, а затем, через два года, в Нью-Йорке (под псевдонимом И. Вознесенский) большую статью — «Имена и судьбы: Над юбилейным списком» [27] — своеобразную рецензию на изданный в 1974 г. к юбилею АН СССР двухтомник «Академия наук СССР. Персональный состав» (книга 1: 1724–1917; книга 2: 1917–1974). Эта работа Ф. Ф. Перченка была (особенно в то время) очень важна, так как он назвал членов АН СССР, имена которых оказались не включенными в «Персональный состав», вернее, «немилосердно вычеркнутыми из обоих томов». Он уточнил некоторые приведенные в двухтомнике даты кончины ряда ученых и ввел даты там, где они вообще отсутствовали. Подчеркнув, что «ряды имен (репрессированных ученых) тянутся через всю советскую историю» и что они «нескончаемы и не полны» [27, с. 398], Ф. Ф. Перченко призвал читателей продолжать разработку этой темы, пока «еще не поздно собрать воедино крупницы ускользаемого и разрозненного нашего знания» [27, с. 410].

После статьи Перченка в сборнике идет заключение «От редакции»: «Публикуемая рецензия представляет собой начало работы, основанной как на печатных источниках, так и на устных свидетельствах, подчас не уверенных и противоречивых. Редакция и автор надеются, что критические замечания читателей позволят исправить неточности, прояснить вопросы и полнее охватить факты, имеющие отношение к затронутой теме» [27, с. 410]. Через три года (в 1979 г. в Москве и в 1981 г. в Париже) вышел четвертый выпуск сборника «Память», в котором сообщалось о поступивших в редакцию многочисленных откликах на статью Ф. Ф. Перченка [37, с. 459–495], разделенных редакцией на несколько групп. Назовем некоторые из них: «Факты репрессий», «Факты травли и дискриминации», «Судьба эмигрантов и репатриантов», «Исправление фактических ошибок» и другие. В последующие годы Ф. Ф. Перченко подготовил еще несколько публикаций: в 1991 г. — «Академия наук на “великом переломе”» [38, с. 163–235], в 1995 г., уже после его кончины, появились три работы: «“Дело Академии наук” и “великий перелом” в советской науке» [1, с. 201–235], «Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям» [1, с. 236–252] и «К истории Академии наук: Снова имена и судьбы ...» [3, с. 141–210]. Во второй статье названы имена 105 членов Академии, в третьей — 211 ученых, и она опубликована в историческом сборнике «In memoriam», посвященном памяти Ф. Ф. Перченка, где напечатаны воспоминания о нем и библиография его трудов [3, с. 431–433].

Ф. Ф. Перченко выявлял и публиковал сведения не только о репрессированных членах АН СССР, но и о других ученых — почвоведов [1, с. 86–89] и представителях наук о Земле, не являвшихся членами Академии. В предисловии ко второму изданию мемориальной книги «Репрессированные геологи» [20], в которой имеются очерки о 694 геологах, геофизиках, горных инженерах, картографов и представителях других наук о Земле, с большой теплотой говорится о Ф. Ф. Перченке:

«Не все участники работы над вторым изданием книги “Репрессированные геологи” дожили до ее завершения. Выдающееся значение имела деятельность безвременно ушедшего от нас Ф. Ф. Перченка, историка, диссидента-шестидесятника, приступившего к сбору материалов о преступлениях режима еще в годы “застоя” и возглавившего работу по составлению первого издания книги» [20, с. 7].

Названные публикации Ф. Ф. Перченка внесли неоценимый вклад в публичную реабилитацию более двухсот безвинно пострадавших отечественных ученых, и, как уже говорилось, он один из первых привлек внимание широкой читательской аудитории к необходимости глубокого изучения этого вопроса. Его предложение подготовить биографический словарь жертв репрессий заслуживает самого пристального внимания. Сам Перченко рассматривал свои публикации «как первый пробный подход к собиранию словника будущего словаря репрессированных ученых» [1, с. 237], и, считая, что список представлен им (из-за болезни) «в крайне несовершенном виде», предложил читателям рассматривать его как «приглашение к составлению словника» [3, с. 143].

К сожалению, после того как не стало Ф. Ф. Перченка, работа над словарем репрессированных ученых значительно замедлилась. Публикации же изданий, посвященных жертвам сталинских репрессий, продолжают издаваться. Это «Ленинградский мартиролог», двухтомник около 1400 страниц, выпущенный в 1995–1996 гг. [39]; многотомное издание «Белая книга о жертвах политических репрессий. Самарская область», с 1997 г. выпущено уже более десяти томов [40]; два огромных тома более двух тысяч страниц, «Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв политических репрессий», изданных в 1998 г. и 1999 г. в Сыктывкаре [41] и другие.

В каждой из этих книг, безусловно, имеются сведения о погибших ученых, инженерах и изобретателях, которые найдут свое место и в будущем словаре репрессированных ученых. В подготовке словника и очерков для него наверняка примут участие многие авторы из самых разных научных учреждений — Архива РАН, Института истории естествознания и техники, Института истории и общественных организаций, таких, как «Мемориал», где в этом направлении уже давно ведется работа, в которой деятельное участие принимал Ф. Ф. Перченко [3, с. 414–426].

В 1997 г. в рецензии на великолепно изданный энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции» [42], подчеркнув полезность подобных изданий, я пыталась привлечь внимание читателей к необходимости подготовки аналогичного словаря, посвященного ученым — жертвам политических репрессий [43, с. 159]. Этот биографический или биобиблиографический словарь (что будет значительно полезнее) можно было бы назвать: «Утраченный естественно-научный и технический потенциал России: Ученые, инженеры и изобретатели — жертвы политических и идеологических репрессий. 1920–1960-е годы». В этом словаре должны найти место не только ученые, прошедшие тюрьмы и лагеря, но и эмигранты, которых выдавливали из России (такие, как В. В. Леонтьев, выехавший сам в 1925 г. из СССР [16, вып. II, с. 187–192]), и те, кого выслали из страны (например, в 1922 г. большую группу социологов, историков и философов [44]), и те, кого стали называть «невозвращенцами» (К. Н. Давыдов, В. Н. Ипатьев, С. П. Тимошенко и другие).

Кроме того, мне кажется, что в словарь необходимо включить, наряду с репрессированными учеными и эмигрантами, и биографии жертв идеологических дискуссий, ведь для многих участников эти дискуссии имели тяжелые последствия. Для их выявления необходимо очень тщательно изучать не только материалы дискуссий, но и биографии их участников. В последние годы опубликован ряд работ, позволивших узнать много нового: о двух периодах борьбы с «физическим идеализмом» —

довоенном (годы «великих переломов») и послевоенном [45]; о философской дискуссии 1947 г. (по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»), ставшей «прологом идеологического погрома науки» [46, с. 63–86]; о биологической дискуссии 1948 г. (августовская сессия ВАСХНИЛ); о дискуссиях по лингвистике — 1950 г. [47, с. 26–58]; о попытке организовать «обсуждения» по аналогии с сессиями ВАСХНИЛ и «павловской» на Всесоюзном совещании по состоянию теории химического строения в органической химии — 1951 г. [35, с. 293–301]. Эти исследования вносят существенный вклад в разработку социальной истории отечественной науки.

В заключение мне кажется уместным, не побоявшись большой цитаты, привести слова Д. С. Лихачева из его обращения к читателям «Ленинградского мартиролога»:

Значащиеся в списках убиты не только пулями — они убиты тем, что кто-то не вступился, кто-то промолчал, кто-то подтвердил, согласился с ложными показаниями...

Вместе с людьми истреблялась культура, истреблялись духовные и материальные богатства, копившиеся в России тысячу лет, истреблялись традиции доброго отношения друг к другу, уничтожалось правовое сознание...

Мир сейчас переполнен злом, жадой насилия, не боится убийств. Зло опасается обнаружения, оно прячется. Наш долг сделать его явным и тем уменьшить опасность повторений [39, т. 1, с. 6–7].

Издание словаря «Утраченный естественно-научный и технический потенциал России» позволит сделать явным зло, нанесенное тоталитарным режимом нашей стране, нашему народу, нашей науке, и таким образом выполнить завет Д. С. Лихачева — уменьшить опасность повторений.

Литература

1. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.
2. Зimina P. П., Преображенский В. С., Машбиц Я. Г. и др. Иннокентий Петрович Герасимов. М., 1995.
3. In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. — СПб., 1995.
4. Соколовская З. К., Соколовский В. И. 550 книг об ученых, инженерах и изобретателях: Справочник-путеводитель по серии РАН «Научно-биографическая литература» 1959–1997. М., 1999.
5. Генкель П. А. Дмитрий Анатольевич Сабинин. 1889–1951. М., 1980.
6. Блюм А. В. Цензура // Книга: Энциклопедия БРЭ. М., 1999.
7. Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 г. М., 1988.
8. Осредствах массовой информации. Закон от 27. 12. 91, № 2124 // Сборник законов Российской Федерации. Т. 1. М., 2000.
9. Юревич А. В. /Рецензия/. What Have We Learned About Science and Technology from the Russian Experience? Stanford University Press, 1998 // ВИЕТ. 2000. № 2.
10. Давыдова Л. Г. Александр Антонович Смуров. 1884–1937. М., 1974.
11. Борисов В. П. Сергей Аркадьевич Векшинский. 1896–1974. М., 1988.
12. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992.
13. Слепов Б. И. Петр Федорович Папкович. 1887–1946. М., 1991.
14. Полак Л. С. Было так. Очерки. М., 1996.
15. Лукина Т. А. Борис Евгеньевич Райков. 1880–1966. М., 1970.
16. Репрессированная наука. Вып. I. Л., 1991; Вып. II. СПб., 1994.

17. *Маркова Е. В., Родный А. Н.* Наука Воркутлага как феномен тоталитарного государства // ВИЕТ. 1998. № 3.
18. *Глазовская М. А., Парфенова Е. И., Перельман А. И.* Борис Борисович Полюнов. 1877–1952. М., 1977.
19. *Шафрановский И. И., Алявдин В. Ф.* Анатолий Капитонович Болдырев. 1883–1943. М., 1978.
20. Репрессированные геологи: Биографические материалы. СПб., 1992; 2-е изд. М.-СПб., 1995.
21. *Росин Я. А., Малкин В. Б.* Лина Соломоновна Штерн. 1878–1968. М., 1987.
22. Неправедный суд: Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. М., 1994.
23. *Лейбсон Л. Г.* Леон Абгарович Орбели. 1882–1958. М., 1973.
24. *Лейбсон Л. Г.* Академик Л. А. Орбели: Неопубликованные главы биографии. Л., 1990.
25. *Асратян Э. А.* Иван Петрович Павлов. 1849–1936. М., 1974; 2-е изд. М., 1981.
26. *Григорьян Н. А.* Иван Петрович Павлов: Ученый. Гражданин. Гуманист. М., 1999.
27. *Вознесенский И. (Ф. Ф. Перченко).* Имена и судьбы: Над юбилейным списком АН // Память. Ист. сборник. Вып. 1. М., 1976; Нью-Йорк, 1978. С. 353–410.
28. *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89.
29. Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113–125; № 5. С. 96–106.
30. Памяти первых российских биогеохимиков: Сборник научных трудов. М., 1994.
31. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Б-ка РАН. СПб., 1993.
32. *Грэхем Л.* Устойчива ли наука к стрессу? // ВИЕТ. 1998. № 4.
33. *Голованов Л. В.* Чижевский Александр Леонидович // БСЭ. 3-е изд. 1978. Т. 29.
34. *Ягодинский В. Н.* Александр Леонидович Чижевский. 1897–1964. М., 1987.
35. *Шноль С. Э.* Герои и злодеи российской науки. М., 1997.
36. *Чижевский А.* Стихотворения. М., 1987.
37. Материалы к истории Академии наук // Память: Ист. сборник. Вып. 4. М., 1979; Париж, 1981.
38. *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. I. М., 1991.
39. Ленинградский мартиролог 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. I. СПб., 1995; Т. II. СПб., 1996.
40. Белая книга о жертвах политических репрессий: Самарская область. Т. I–XI. Самара, 1997–1999.
41. Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв политических репрессий. Т. I. Сыктывкар, 1998; Т. II. Сыктывкар, 1999.
42. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
43. *Соколовская З. К.* Рецензия: Русское зарубежье... // ВИЕТ. 1997. № 3.
44. *Рокитянский Я. Г.* Рецензия: Репрессированная наука... // Мир науки. 1992. Т. 36. № 4.
45. *Сонин А. С.* Физический идеализм: История одной идеологической кампании. М., 1994.
46. *Кривоносов Ю. И.* Сражение на философском фронте: Философская дискуссия 1947 года — пролог идеологического погрома науки // ВИЕТ. 1997. № 3.
47. *Кожевников А. Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4.